

Дмитрий ВОРОНИН

«Писательские» рассказы

ЛАУРЕАТЫ

Маленький, толстый, лысеющий поэт Застежкин и тонкий, высокий, бородатый прозаик Беленький возвращались поздно вечером домой после областного правительственного приёма по случаю открытия Дней писателя. Шли, пошатываясь, по улице, придерживая друг друга за плечи, чтобы не упасть, так как оба были в изрядном подпитии.

Вечерок в театральной ресторации провели очень даже недурно, под вино, коньячок, водочку и многочисленные закуски. Оба литератора на фуршетке были в явном ударе. Беленький выразительно читал свой рассказ о местных подземельях, в которых обитали всякого рода мутанты, способные общаться под действием продуктов из пальмового масла с мертвецами и прочей потусторонней нечистью. Застежкин же декламировал собственные стихи, безостановочно размахивая руками:

*Я – Парис, я – Пегас, я – Персей,
Я взлетел, я вскакал на Парнас,
Мне до фени Шекспир и Орфей,
Я в анналах по шее увяз.*

*Пусть железо растёт сквозь бетон,
Мне с компами, мобилами жить,
Солнце лампы стоваттовой клон,
Буду водку с китайцами пить.*

*Рифмой-стервой по моргам пройдуся,
Я по тем, кто как будто поэт.
Эх, крутни-ка мне задницей, Дусь,
Я станцюю с тобой менуэт!*

Подвыпившие чиновницы от культуры в восторге причмокивали напомаженными губками, закатывали накрашенные глазки и постоянно выкрикивали «браво», заставляя Застежкина продолжать, и его несло. На протяжении целого вечера он периодически выступал со своими шедеврами, срывая всякий раз овации у публики.

На следующее утро и тому и другому позвонили из областного правительства и предложили срочно зайти к ним пополудни. Ровно без четверти двенадцать Беленький и Застежкин столкнулись нос к носу у дверей замзавотделом по культуре Сурковой Серафимы Николаевны.

– Чегой-то нас вызвали сюда ни свет ни заря, ты не в курсе? – с опаской поинтересовался Беленький у поэта.

– Да фиг его знает! – засунул зубочистку в рот Застежкин.

– Может, лягнули вчера лишнего, ты не помнишь? – в волнении стал строить догадки Беленький.

– Не, не помню, – сплюнул на пол Застежкин, – может, и лягнули. Да чего переживать, сейчас всё и узнаем.

Войдя в кабинет и увидев приветливую улыбку Серафимы Николаевны, Беленький облегчённо вздохнул.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогие наши классики, – двинулась навстречу литераторам Суркова. – Как насчёт рюмочки коньячка?

– Не откажемся, – потёр от удовольствия руки Застежкин.

Выпив налитый коньяк, замзавотделом, продолжая улыбаться, предложила Беленькому и Застежкину присесть.

– В ногах правды нет. Да и дело к вам архиважное и очень волнительное. Вчера на вечере мы все слушали ваши выступления.

— И? Как вам? — приосанился Застежкин.

— О-о-о! — зажмурилась от удовольствия Суркова. — Божественно! Великолепно! Изумительно! Да русского языка не хватит перечислять все достоинства ваших шедевров творчества. Какой полёт мысленного слова, какое волшебное порхание звука! Особенно в стихосложении. Вы, Застежкин, гений! И Беленький тоже — гений. Вы два гения, и оба наши тутошние.

— Этого у нас не отнять, это всё, конечно же, так, по-другому и быть не может, — разволновался от похвал Застежкин. — Всё в нас есть и сполна. До самого края, снизу доверху под завязку. Так ведь, Беленький?

— Ага, ага, — согласно закивал прозаик, обалдевший от такого приёма.

— Ну, вот и я говорю, что пора вам, значит, и того, — подняла кверху указательный палец Суркова, — в Париж подаваться, в новые горизонты взлетать, в цивилизацию.

— Куда-куда? — вырвалось изумлённое восклицание у обоих литераторов.

— В цивилизацию, в Париж, — повторила Серафима Николаевна.

— Зачем? Чего там делать-то, в этой цивилизации? Нам и тут очень даже ничего.

— За премиями.

— За какими? — непонимающе уставились на чиновницу друзья.

— За самыми главными по литературам. Мы тут вчера после вашего выступления задержались малость и от всей нашей культуры порешили отправить вас за грамотами. Хватит уже скромнеть в своем отечестве, пора и Европы покорять, как Наполеон с Бонапартом. Ты, Беленький, поедешь за Пукером...

— За Бу... Букером?! — вытаращил глаза Беленький.

— За Пукером, за Пукером, он прозаикам вроде выдаётся, — подтвердила Суркова. — А ты, Застежкин, за Нобелевым как поэт. Я не путаю?

— Нет, Серафима Николаевна, не путаете, — вытер испарину со лба Застежкин.

— Только кто нам их так просто даст? Да и Нобелевскую премию Швеция назначает, а не Франция.

— Дадут, куда эти французишки денутся! — пренебрежительно отмахнулась Серафима Николаевна и протянула литераторам толстую пачку бумаг. — Мы тут вам такие рекомендации понаписали, особенно тебе, Застежкин, что сам Бог бы не устоял. А насчёт Швеции, так это всё мелочи, мы и в Швецию факс пошлём. Пусть приезжают в Париж и привозят премию туда, какие проблемы? Так что скатертью вам дорога.

— А деньги? — заволновался Застежкин. — У нас же с Беленьким нету. А без них нам там ну никак, — провёл он по горлу рукой, — швах дело.

— И денег дадим. И на проживание, и на дорогу, и на представительство и Рождество ихнее отметить и Новый год. Что, мы уж совсем лицом об грязь?

Целую неделю областной центр гудел новостью: Беленький с Застежкиным в Париж едут, шутка ли сказать, за самой Нобелевкой!

На вокзал провожать знаменитостей собралось чуть ли не полгорода. Начальство на перроне литераторов нахваливало и напутствовало, оркестр играл туш, а народ бросал шапки в небо.

Через четыре дня в кабинете у Сурковой раздался осторожный стук.

— Войдите.

Дверь тихо открылась, и на пороге возник Беленький. Был он какой-то помятый, взломаченный, с нездоровым блуждающим взглядом.

— Беленький?! — удивилась Серафима Николаевна. — Почему здесь? Что произошло?

— Да вот, тут, значит... так оно и вышло, — замямлил прозаик.

— Говори внятно, — покраснев, рявкнула Суркова.

— Ну, мы это, значит, сели в купе и поехали, куда нас послали, в этот Париж, будь он неладен, — взволнованно затараторил Беленький. — Ну, выпили малость на дорожку, потом ещё малость за Рождество ихнее, потом ещё за наш Новый год. Ну, так за разговорами, значит, до Берлина и доехали. А в Берлине этом Застежкин меня в кабак какой-то затащил. Пойдём, говорит, цивилизацией подышим, сосисек немецких поедим со шнапсой в запивку, пока поезд стоит. Ну и пошли, значит, шнапсы попили, сосисек поели. И тут Застежкина понесло, на стол забрался и принялся стихи свои во весь голос орать да с Санта Клаусой местных бюргерш поздравлять. Я его успокаивать пытался, а он мне в морду салатом. А тут и полицаи немецкие подскочили, туда-сюда, протокол составлять. Застежкин в драку, кричит: «На кого руку подняли, на нобелевского лауреата!» — и ну бутылки в витрину швырять. Все деньги на штрафы. Еле назад доехал.

— А сам Застежкин где? — схватила за грудки несостоявшегося лауреата Суркова.

— В Бе... Берлине остался, в дурдоме. Просит помощи и денег на обратную дорогу, чтобы Новый год дома встретить, в кругу, так сказать, ваших родных лиц и истинных почитателей его талантов, — заплакал Беленький.

КРОХОБОР

Нелегко в настоящее время жить писателю, ох, нелегко. Сами посудите, книги не выпускают, а если и выпускают, то экземпляров пятьсот, а если и не пятьсот, то гонорары не платят, мало того что не платят, так еще за свой счет приходится издавать. А какой у писателя счет, если его книжки не выпускают, а если и выпускают, то гонорары не платят, а если не платят, так где тогда денег взять? Говорят, вот у спонсоров или меценатов. А если писатель в деревне живет, то какие в деревне спонсоры и меценаты? Разве что Ашот Саркисович, который магазин открыл при дороге. Так ведь он книг не читает, а если и читает, то все больше по бухгалтерии или по законам, как от налогов увильнуть. Только писатель не бухгалтер и не юрист, тем более. Нет в нем Ашоту Саркисовичу особой надобности, разве что только руку пожать для важности — все ж чудной человек писатель, где еще такого встретишь. Да и перед своими друзьями всегда можно похвастать, мол, с писателем лично знаком, а вдруг даже и поэтом, почти Пушкиным. Черт его знает, что он там пишет. Так что поздороваться Ашот Саркисович поздоровается, а денег на книгу не даст, разве что только в долг рублей пятьсот на продукты из своего магазина.

Есть еще, правда, поселковый глава администрации, Дзагоев Иван Иванович, человек, по его собственному признанию, честный и уважаемый, к сельчанам всегда со всем почтением. Ну откуда, скажите, у честного человека могут быть деньги на всякие там книгоиздательства? Личных денег у Ивана Ивановича ни копейки, а государственные только на улучшение жизни. Сядет, бывало, с утра Иван Иванович в свой BMW X пятой модели и мотается где-то по делам до самой ночи, ему не до писателей.

Можно, конечно, и в райцентр съездить меценатов поискать. Живет там, говорят, один такой Самарин Николай Андреевич, в депутатах числится и как будто бы даже председатель местной партиячейки. Ходят слухи, что щедр и к культуре неравнодушен. Вот недавно школьникам полторы тысячи рублей в театр выделил. Может, его в меценаты?

На худой конец, можно по деревне сбор средств объявить на издательство книги. Но народ вряд ли поймет, не даст. Вот на похороны самого писателя даст, а на книгу — это уж дудки. Блажь какая-то, тут кому-то на портвейн не хватает, кому-то — на сапоги, а этому книгу подавай.

Виктор Семенович в Макеевке учителем работал, а заодно и рассказы пописывал — то ли от скуки, то ли от талантов каких, но что-то у него все же получалось и даже изредка печаталось. Писал же Виктор Семенович все больше о жизни, о деревне да о своих деревенских жителях. С юморком писал, но так, чтобы не очень обидно. Местные себя в рассказах узнавали и друг над другом подтрунивали, а Виктору Семеновичу руку тянули при встрече и о политике заговаривали.

Однажды Виктор Семенович все же умудрился найти спонсора и издал книгу деревенских рассказов. Ну, не книгу, а так, книжечку, в сотню экземпляров да на сотню страниц, но все-таки. С тех пор за Виктором Семеновичем прочно закрепилось прозвище «писатель».

— Глянь, писатель в магазин пошел, опять, видать, за тетрадками, — качали головами бабы, сидя на завалинке. — Это ж сколько денег на них тратит, сердечный! И как только Танюха, жена его, эти траты терпит.

— Вон Достоевский из магазина возвращается, — хмыкнула как-то местная фельдшерница Клавка, обращаясь к своей подруге Верке. — Смотри, как важно ходит, будто «Войну и мир» написал, не меньше, а у самого-то книжонка еле-еле, никакой представительности, скукота одна. Лучше бы как Донцова или про Марианну. Но не тянет он до них, ума, видать, не хватает. И как ему только Олег Евгенич денег-то на книгу дал, говорят, аж цельных десять тысяч отвалил, ужас какой.

— Ой, Клав, не скажи, — махнула рукой Верка, — может, Семеныч и не Достоевский, зато наш, макеевский, и один такой. Да и Таньке евоной лучше. По мне, так пусть лучше книжки сочиняет, чем как мой Митяй с бутылкой обнимается.

— Чего ж ты, Серега, у писателя часть гонорара не востребовал? — посмеивались собутыльники над местным забуддыгой, особенно узнаваемым в рассказах Виктора Семеновича. — Счас бы жил припеваючи, нос в табаке.

— Спрашивал, — огрызнулся Серега.

— И?

— Говорит, книжка не продавалась, всего-то сто штук, все, мол, по знакомым роздал.

— А ты и поверил, лопух. Развёл тебя писатель, ему ж Олегу Евгеничу долг возвращать.

- Так он же спонсор!
- Ну так что ж, что спонсор, не бесплатный же.

— Бросай сигареты, Виктор Семенович идет, — шухерили школьники, завидев вдалеке сутулую фигуру учителя.

Так что получается, в деревне к Виктору Семеновичу было очень даже достойное и уважительное отношение, вот только до той поры, пока не случилось следующее.

Однажды Виктора Семеновича, следовавшего в магазин за очередной пачкой бумаги, окликнул Серега.

— Семеныч, постой, дело есть, — нетвердой походкой подошел к писателю герой его рассказов.

— Серега, денег нету, только на бумагу жена выдала, — решил упредить досужие просьбы Виктор Семенович.

— Да не, — отмахнулся Серега, — сегодня не требуется, мне уже Санек Ковалев подкинул на опохмел. У меня тут другое, важное...

— Ну чего? Говори, только не долго, а то я тороплюсь.

— Да вот, Ванюшкин жалуется, что не заходишь к нему совсем, забыл старика.

— А с чего бы заходить?

— Ну как с чего? Пили ж когда-то вместе, да и так, по-соседски.

— Я ж бросил давно, а по соседству вроде как каждый раз здороваюсь.

— Ну, здороваться одно, а зайти да душевно посидеть — это совсем другое, — закатил глаза кверху Серега, многозначительно подняв указательный палец.

— Да ладно, Сергей, не тяни резину и говори по существу, чего надо? — развернулся в сторону магазина Виктор Семенович.

— А я и так по существу, — засеменял за ним Серега. — Мы вот тут с дядей Колей поговорили за портвейшком и решили, что нужно тебе об его жисти написать.

— Чего написать?

— Ну, не знаю чего, роман какой или там воспоминания, на худой край. Тебе виднее.

— Чего это мне виднее? — раздраженно остановился Виктор Семенович. — Какие воспоминания, какие романы, о чем вопрос?

— Ну, я ж тебе толкую об чем, — перешел на громкий голос и Серега. — Об дяде Коле Ванюшкине, об евоной жисти.

— А что такого в его жизни, чтоб я об этом писал?

— Ну как что? Да все! — аж задохнулся от возмущения Серега. — Дядя Коля, ведь это о-го-го, это у-у-у! Это такой человечище, такая громадина! Это, это... Да чего тут! Ну, сам знаешь. Напишешь?

— Да отстань ты!

— Не напишешь? — с угрозой подступил к Виктору Семеновичу Серега.

— Да что я должен написать? Пусть расскажет сначала о себе что-нибудь, а там посмотрим, — с опаской отошел от Сереги писатель.

— Ну, давно бы так, — беззубо заулыбался Серега. — А то чего писать, чего писать! С этого и надо было подходить.

— К чему? — удивился Виктор Семенович.

— Как к чему? К существенности, глубине масштаба, — поднял палец вверх местный пьянчужка.

— Какой еще глубине масштаба?

— Слушай, Семеныч, ты вроде как умный мужик, учителем в школе числишься, а простых вещей не понимаешь. Стелку тебе дядя Коля сегодня на двадцать ноль-ноль забил в евоной баньке, там все и перетрете. Так что приходи, не запаздывай, милости просим.

— А почему в баньке-то?

— А где ж еще? — удивился Серега. — Мы там завсегда собираемся, подальше от дяди Колиной тетки Натахи, чтоб не орала на всю деревню.

Вечером Виктор Семенович накинул на себя плащ и с порога предупредил жену:

— Я к соседу на часок.

— Зачем?

— Не знаю, звал, что-то рассказать хочет.

— Ну, иди.

Виктор Семенович вышел за калитку и, пройдя два дома, свернул в покосившиеся ворота. Не заходя в скособоченную избу, он за огородом прошел в сторону сада и уткнулся в старую, вросшую в землю баньку дяди Коли. Постучавшись три раза, отворил дверь и, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, шагнул внутрь.

В предбаннике при свете закопченной сороковатки на лавках за старым, отслужившим свое кухонным столом сидели три мужика: дядя Коля Ванюшкин, Серега и Илюха Кирюхин — еще один сосед по улице, кочегар деревенского магазина.

— Ну, здравствуйте всей честной компании, — пожал руки мужикам Виктор Семенович и присел на лавку. — Тут вот меня Серега зазвал к тебе, Николай Фомич, будто бы рассказать чего-то хочешь.

— Хочу, Витя, хочу, давно хочу, — тяжело вздохнул дядя Коля. — И про жизнь свою хочу тебе поведать, и про другое всякое. А то как помру, кто ж тогда тебе все обскажет? И про колхоз нашенький, и про то, как жили, как строили все, и про надои, и про центнеры, про будни то ж, про праздники. Много чего. Тут не один роман напишешь, может, целый сериал, потом спасибо скажешь.

— Так уж и роман? — улыбнулся Виктор Семенович.

— А ты не скалься, не скалься, — перебил его Ванюшкин. — У меня историй не на одну книгу наберется. Такого повидал, чего Шолохову с тихим Доном и не снилось. «Вот сам и писал бы, — подумал Виктор Семенович, пряча улыбку и собираясь выслушивать долгую историю. — Черт меня дернул прийти сюда».

Минуты две в помещении висела тишина, которую нарушил Ванюшкин.

— Вить, ну чего сидишь, доставай уже.

— Что доставать? — непонимающе обвел всех взглядом Виктор Семенович. — Ручку, что ли?

— Какую ручку? — аж подскочил Серега. — Проставу, конечно.

— Какую проставу?

— Как какую? — захлопал глазами Серега. — Обыкновенную, за истории.

— Не понял, — прислонился к стене предбанника Виктор Семенович.

— А что тут не понять? — встрял в перепалку дядя Коля. — Ты пришел сюда, чтоб слушать мои истории про жисть, так? Каждая история — бутылка. Я ж не лох какой, как Серега, чтоб за бесплатно рассказывать.

— Чего это я лох? — набычился Серега.

— А чего, нет, скажешь? — ударил кулаком по столу дядя Коля, да так, что один стакан, подпрыгнув, упал на пол. — Он про тебя написал в своей книжке? Написал. А гонорар тебе заплатил? Вот то-то. Так что сиди и молчи лучше в тряпочку.

— Какой гонорар? — у Виктора Семеновича даже челюсть отвисла.

— Обыкновенный, какой, — зло ответил дядя Коля. — Я так понимаю, ты без проставы сегодня. Значит, вечер впустую. Не уважаешь ты меня, старика, Витюша. Ну, вот что, милоч, завтра в это же время будем тебя ждать здесь же, так ты уж нас больше не подводи, а то по договору я с тебя неустойку востребую.

— Какую неустойку? — обалдело уставился на дядю Колю Виктор Семенович.

— По договору о гонораре.

— О каком гонораре, какой договор?

— Ты что, Витюша, совсем тупой на голову или прикидываешься? А еще учителем называешься. Нехорошо, Витя, ой нехорошо. Не по-людски это, не по-соседски. Договор о моей доле подпишем при свидетелях, вот при них, — кивнул на Серегу с Илюхой дядя Коля.

— Да объясните мне, наконец, в чем дело.

— А что тут объяснять-то? Ты, Витя, по моим историям напишешь роман, и по договору, как полагается, я получу шестьдесят процентов гонорара, потому как я тебе все обскажу, а твое дело только записать. Справедливо, мужики?

— Точняк, дядя Коля, точнее некуда, — закивали Серега с Илюхой.

— Ну, вот и я говорю, — продолжил Ванюшкин, — часть денег отдашь завтра вместе с проставой, часть — в конце истории, ну и остаток, как книга выйдет.

— И сколько завтра? — усмехнулся Виктор Семенович.

— Я тут все подсчитал, — надел очки дядя Коля и положил на стол тетрадный листок, исписанный цифрами. — По мне, так получается, что пять тысяч. И это, согласись, по-божески, мог бы и больше затребовать. Но мы ж как-никак соседи. Да и вот еще Сереге неустойку заплатить надобно, рублей так семьсот.

— Вы это серьезно, мужики?

— Да какие тут шутки.

— А шли бы вы знаете куда? — поднялся из-за стола Виктор Семенович.

— Так ты что, отказываешься платить? — опешил дядя Коля.

— Отказываюсь, — открыл входные двери Виктор Семенович.

— Ну и крохобор ты, Витек, — обиженно закачал головой дядя Коля, — ну и крохобор! Не ожидал я от тебя, ох, не ожидал! С виду интеллигентом прикидывался, а внутри-то мироед мироедом.

— Не, не крохобор он, — облокотился на стол Серега. — Скупердай он, вот кто!

— Да-а, пожалуй, ты прав, — прикурил папироску дядя Коля. — Последний он скупердай, каких свет не видывал.

Дальнейшего Виктор Семенович уже не слышал, выйдя за порог бани. А уже на следующий день бабы на завалинке провожали его осуждающими взглядами.

— Гля, гля, крохобор-то опять в магазин за бумагой пошел, небось, на дядю Колю доносы писать или судиться. Совести у человека совсем ни на грош, и гонорар не заплатил, и еще денег с дяди Коли содрать норовит. Как с таким крохобором токмо Та-нюха живет. Бьет он ее, небось, сердешную.

— А что я тебе, Верка, говорила, а? — безгловито морщилась фельдшерница Клава, обращаясь к подруге. — Не жди от этого писаки добра. Так-то оно и вышло. Все инстанции клязузами забросал, да и скупердяй такой, что свет не видывал. А ты его защищать. Деньги-то дяде Коле не выплатил, как по договору между ними прописано было. А истории дяди Колины за свои выдал и книгу выпустил. Мошенник он, навроде Мавроди, а не писатель.

— Ой, твоя правда, Клава, — виновато соглашалась Верка. — Дура я, дура, что в упор такого скупердяя не замечала. Ввек наука.

— Да-а, Серега, — сочувственно обнимали дружка собутыльники. — Кто ж знал, что на такого крохобора нарвешься. Он вон дядю Колю не пожалел, совсем-совсем без средств оставил. А еще писателем называется.

— Гад он и сволочь, — ненавидяще сжимал кулаки Серега. — Олигарх последний, морду ему набить мало.

— Ничего, Серега, жизнь его еще накажет.

И только ученики, завидев вдалеке Виктора Семеновича, как и раньше, с опаской шухерили:

— Бросай сигареты, учитель идет.

МЕСТЬ ПОЭТА

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям. Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всеразличные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компании, играя в карты.

— Мужики, — в дверях кают-компании показалась голова боцмана, — вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошёл техник научной группы Костик Ребров.

— Распишись вот тут, — второй штурман протянул ему ведомость. Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни. — Получи, — отчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. — С почином.

— С тебя причитається, — похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

— Обязательно, конечно, а как же, — смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

— А пересчитать? Вдруг обманули? — раздалось вслед.

— Не, всё верно, я доверяю, — прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам. «Эти — маме, — рассуждал Костик, — эти — себе на обновки, эти — Наташке на подарки, эти — на проставку ребятам, а эти — на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берет его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался — и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека — высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

— Можно? — открыл он дверь.

— Входи, — поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. — Чем могу служить?

— Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете... — замялся Костик.

— Ну смелее, смелее, — ободряюще улыбнулся Юнерман.

— Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, — выпалил Костик и покраснел.

— Ого! — сделал удивленное лицо Юнерман. — Вы меня приглашаете? А где же цветы?

— Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... Нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, — Костик умолк, окончательно смутившись.

— Ну, это понятно, что по-другому, а никак, — заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. — А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик стоя умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить всё дело! Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы не продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнёс:

— Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием — обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана», знаешь такое кафе? — Костик кивнул. — Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущённый, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

— На правах старшего, заказ делаю я, возражений не принимаю. — Костик согласен кивнул. — Так, — обратился Юнерман к подошедшему официанту, — два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже — кофе.

— Сделаем, — записав заказ, официант ушёл.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

— Ну, как тебе экспедиция? — спросил Григорий Моисеевич. — Понравилась?

— О, это такой кайф, такой адреналин! — оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. — Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что протетело всё очень быстро, как один день, даже нет — как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

— О, да он у тебя поэт, — вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос. Костик покраснел и быстро повернулся назад. — Всё-всё, сдаюсь-сдаюсь, — притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и не заправленную линияющую тельняшку. — Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

— Знакомься, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, — представил он своего знакомого. — А это Константин, наш младший научный сотрудник, — обратился Юнерман к Лямкину. — Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

— Любопытно, любопытно, — несколько поскучнел Лямкин, подсаживаясь за столик. — Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

— Ну, а куда от тебя деться, — натянуто улыбнулся Юнерман. — Тем более ты уже уселся.

— Вот и хорошо, вот и ладушки, — потёр ладони Лямкин и прокричал в зал: — Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала! — вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ. — За встречу! — поднял свой фужер Лямкин. — Гриша, за тебя! — и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. — За поэзию! — выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями, ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

— Гриша, — налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, — а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

— Лёня, — укоризненно покачал головой Юнерман, — третий тост поднимают не за музу, а за...

— Да брось ты, Гриша, банальности разводить, — скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. — За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё

это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдаль.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

— Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? — перевёл он разговор на другую тему.

— Не уважаешь, Гриша, ты меня, — обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. — У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чутка и выдам, — Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику. — Слушайте, молодой человек, оцените и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похвалиться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперед и начал с пафосом:

*Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.*

*Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.*

*И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.*

— Bravo, Лямкин, bravo! — ухмыляясь, захолопал Григорий Моисеевич. — Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

— И ещё из недавнего:

*Люблю себя в своем лице,
И не возможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на гаче.*

*Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актер Качалов.*

*Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она — орел, она — жар-птица.*

*Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смекает.*

Костя изумлённо уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

— А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

*А вот и встал навеки миг
Во славу музе потрясенной,
Нырнул в пучину яркий блик —
Поэта стих завороченный.*

*Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.*

*Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы — не забудут!*

*И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.*

*А в нём весь я, с конца в конец,
Моё нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам — отец,
А кто не внемлет мне — дубина.*

— Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошел, аки Бог, — налил себе коньяка Юнерман. — Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

— А, понял, Гришка, понял потаённый смысл! — светился всем лицом Лямкин. — Я знал, знал, что поймешь! На руках за такое носить надо.

— Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, — криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. — Много выпил, пока родил это?

— Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

— Хорош-хорош, — отстранился от поэта руками Юнерман. — Дай это переварить.

— Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, — пренебрежительно скривил губы Лямкин. — А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? — обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

— Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

— В смысле — кого-нибудь? — набычился Лямкин.

— Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, — тихо произнёс Костик две пришедшие на ум фамилии.

— Дерьмо и дерьмо! — брезгливо вытянул губу Лямкин.

— В смысле? — не понял Костик.

— В смысле — два дерьма, — ответил поэт.

— Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

— Дерьмо и дерьмо!

— Ахматова и Цветаева? — недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

— Ахматова и Цветаева — ещё два дерьма.

— Да вы что! Как же так? Ну, а Пастернак, Блок, Есенин?

— Ещё те вонючки, одна тошнота, — изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. — Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!

— А Пушкин, Пушкин кто? — Костик приподнялся из-за стола.

— Дерьмо твой Пушкин!

— Всё! — ненавидяще произнёс Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

— Как ты смеешь! — кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. — Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича! Каково было удивление Костика, когда он услышал:

— Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шел на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

— Давайте я помогу донести, — предложил свои услуги Ребров.

— Вот спасибо, — обрадовалась женщина. — Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

— А кого я нес-то, скажите?

— Да этого... Леонида Лямкина.

— Вот чёрт, — рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. — Отомстил всё-таки старый графоман, заставил себя на руках носить!